

«Знахарка в нашем живет околотке...»

185 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НЕКРАСОВА

«Всему начало здесь, в краю моем родном», – писал Некрасов (завтра – 185-летняя годовщина великого поэта) о верхневолжском «врачующем просторе». Ярославцы всех поколений часто эту строку вспоминают, ибо в ней – сущая правда. В Грешневе и Аббакумцево прошло детство будущего классика. В Ярославле он жил, когда учился в гимназии. Позже для работы в уединении и отдыха вдали от столиц купил Николай Алексеевич усадьбу в Карабихе. Написал там поэмы «Русские женщины», «Мороз, Красный нос», «Арина – мать солдатская», главы эпоса «Кому на Руси жить хорошо». «Некрасов на Верхней Волге» – эту «титულную» тему многие годы исследуют сотрудники музея-заповедника «Карабиха», отмечающего в эти дни свое 60-летие. Сегодня слово – одному из них.

Лето 1860 года Н. А. Некрасов провел в родном Грешневе. В творческом отношении оно стало для него как никогда плодотворным. Из стихотворений, созданных на основе грешневских впечатлений, поэт остался недоволен только одним стихотворением – «Знахарка». В письме к Н. А. Добролюбову Некрасов признавался: «Что вы о моих стихах? Они просто плохи, а пущены для последней строки. Умный мужик мне это рассказал, да как-то глупо передалось и как-то воняет сочинением. Это, впрочем, всегда почти случается с тем, что возьмешь вплотную с природы».

Казалось бы, для исследователя установить прототип героини стихотворения «Знахарка» – случай безнадежный. Тем не менее «Дело о занятии колдовством крестьянки деревни Пьяново Настасьи Сергеевой», хранящееся в Государственном архиве Ярославской области, как мы считаем, может прояснить вопрос с героиней некрасовского произведения. Заведено оно было в 1864 году, но некоторые события произошли накануне приезда Некрасова в

Грешнево, и он мог знать о них от местных жителей.

Суть «Дела» такова. От вышеназванной крестьянки к любовнице ушел муж. А через 23 года вернулся к ней. И тогда покинутая женщина – Ульяна Матвеева – «стала кликать кликушей» (судорожные припадки, сопровождаемые причитаниями), говоря, что будто бы Настасья Сергеева ее испортила. Когда Ульяна стало совсем плохо, брат ее Агапий пришел к «знахарке» и попросил прийти в свой дом – проститься с сестрой. Как оказалось, случаи кликушества в округе не были редкостью и Настасья Сергееву «по заведенному обычаю» приглашали к больным и умиравшим, так как им «от сего бывало легче». Предчувствуя на этот раз недоброе, крестьянка отказалась идти к сопернице. Но тут вмешался староста Николай Павлов (проживал в деревне Меленки), и Настасья Сергеева вынуждена была отправиться к больной. Муж согласился ее сопровождать. В доме Агапия вся родня кликуши набросилась на супругов с кулаками и начала их «бить жестоко», при

этом Настасья Сергеевой тыкали в лицо соломой.

Из «Дела» выяснились и другие случаи избиения «знахарки». Так, например, в Духов день крестьяне Иван Герасимов и Филипп Козьмин вновь избили Настасью Сергееву. При этом Агафья Семенова, свидетельница, а может быть и соучастница, экзекуции, сорвала с пострадавшей окровавленный платок, ходила с ним по деревне и мазала всех для того, чтобы избавить от порчи. В заключение платок был положен в горшок и сожжен в поле для изготовления лекарства будто бы от колдовских чар «знахарки».

Во время следствия крестьяне дружно все отрицали, приводили случаи «порчи» односельчан Настасьей Сергеевой. В результате «Дело» было так запутано, что выяснить, в чью пользу оно завершилось, не представилось возможным. Да и действующие лица происшедших событий вскоре умерли. Сама Настасья Сергеева, как явствуют метрические книги Троицкой церкви села Диево-Городище, скончалась в 1869 году, а муж ее Степан Петров – в 1872-м. Фамилию его, написанную в документе неразборчиво, можно прочитать как Обмерилов.

Деревня Пьяново Диево-Городищенской волости Ярославского уезда хорошо была знакома поэту. Располагалась она всего в трех верстах от Грешнева. Название ее поэт упомянул в черновиках к поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Заметим, что кликушество как явление русской жизни уже достаточно подробно проанализировано и с медицинской, и с этнографической точки зрения. В мировой и особенно в отечественной истории оно сыграло самую пагубную и кровавую роль.

«По одному оклику беснующей-ся бабы, – писал известный фольклорист А. Н. Афанасьев, – брали оговоренного ею человека к допросу, подвергали пыткам и вымучивали у него признание в небывалом преступлении. Кликушество сделалось наконец самым обыкновенным и верным способом мстить за обиды и недружбу: стоило только прикинуться кликушей, чтобы подвергнуть врага страшным истязаниям и даже смертной казни».

В 1715 году Петр I повелел указом хватать кликуш для проведения «розыска» и помещать их в смиренный дом. Официально было заявлено, что порчи не существует. Однако поколебать вековые предрассудки против знахарей и ведьм эта реформа не смогла. Последовавшие восемь указов Правительствующего Сената по этому предмету – с 1737 по 1845 год – также реальной силы не имели. И не секрет, что русские суеверия, пусть в трансформированном виде, дожили до сегодняшнего дня.

А вот заключительные строчки «Знахарки» (диалог колдуньи и мужика), ради которых и создавалось стихотворение накануне отмены крепостного права, комментировать не надо:

*«Что же, старик? (Погоди – погадай!) –
Ведьма ему. Пантелей:
«Не желаю!
Что нам гадать? Малолетков
морочь,
Я погожу пока, чертова дочь!
Ты нам тогда предскажи
нашу долю,
Как от господ отойдем мы
на волю!»*

Григорий КРАСИЛЬНИКОВ,
зав. филиалом
«Аббакумцево-Грешнево»
ГЛММЗ Н. А. Некрасова
«Карабиха».